

Наш собеседник — человек великой судьбы, имеющий десятки наград во всем мире.

Наш собеседник — человек с приятным, спокойным лицом, глядя на которое теряешься от мысли, что ему уже девяносто лет.

Наш собеседник — человек с грустными, задумчивыми глазами, и нет, кажется, такого вопроса, который застал бы его врасплох.

Наш собеседник — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, художественный руководитель Государственного Академического ансамбля народного танца России — Игорь МОИСЕЕВ.

Лидия ГАЛУЩЕНКО

- **И**горь Александрович, вы можете сказать, что вы — сын своего времени и, возможно, ошибались вместе со всеми?..

— Безусловно. Я всегда был далек от политики. Мне восемнадцать раз предлагали вступить в партию, стучали кулаками по столу, кричали, что я не имею права быть руководителем, но я отказывался вступить, задавая встречный вопрос: “А создавать ансамбль я имел право?” По этому поводу мне ничего ответить не могли. Но это вовсе не значит, что я сейчас начну говорить, как все было плохо в то время, — этого от меня не дождутся...

Но вы знаете, меня как-то очень-то и не трогали. Ведь во всех правительственных концертах наш ансамбль принимал участие. Так что мы были как бы “при власти”. Это нас и спасало от многих неприятностей. Я, кстати, очень благодарен Луначарскому — это человек, который первый заметил меня. Много хороших людей было в то время. После смерти Луначарского, который был наркомом просвещения, на его пост пришел очень хороший человек — Керженцев, тоже был эрудирован, интеллигентен... Потом его объявили врагом народа и расстреляли.

— А вы боялись, что и вас тоже могли объявить врагом народа?

— Думаю, что каждый боялся. Страх был у всех, что сегодня могут приехать и забрать. Но по-настоящему никто не знал, насколько была страшна наша система. Конечно, мы понимали, что что-то неладно, что надо быть осторожными, но весь ужас мы узнали, как и все, после Двадцатого съезда. Меня не тронули, может быть, и потому, что я не был потенциальным соперником в политической жизни. В основном гибли эти люди. Соперников боялись больше, чем врагов. К артистам вообще относились мягче. И, конечно,

спас успех ансамбля. Его уже знали в мире, и потому трогать нас было опасно. Да и искусствово-то я проповедовал народное, а в то время только и говорили, что искусство принадлежит народу, — все сходилось к тому, что мы нужны.

Но зато я был лишенцем, потому что по происхождению — дворянин. А отец мой, который жил на соседней улице, не был лишенцем.

— Почему?

Еще до революции он был юристом. И когда она произошла, отец пытался вмешаться в беззакония, которые стали совершаться немедленно, но ему дали понять, что в нем не нуждаются, и его постоянно стали высылать. Все это было на ранней стадии, когда еще не научились всех уничтожать, а давали ссылку: минус шесть, затем — минус восемь, потом — минус двенадцать... Это значит, жить в других, отдаленных от Москвы городах. Карьеру юриста, естественно, ему пришлось забыть, но отец имел два образования: он еще был и философом. Юридический факультет он окончил в Москве, а философский — в Германии. И потому преподавал. Он блестяще знал английский, французский и немецкий. Причем на французском и английском говорил так, что во Франции его принимали за француза, а в Англии — за англичанина. Так же хорошо говорил он и по-немецки, так как в Германии учился на немецком, но себе в заслугу это не ставил и считал, что знает язык недостаточно хорошо.

— Говорят, чтобы стать человеком, нужно пережить бедность, войну и любовь...

— В бедности мы пожили... Когда я еще был маленьким, отец давал уроки иностранных языков, но на этом, как вы понимаете, не развешивался. И потому мое детство было тяжелым. Мне предлагали окончить школу экстерном — на год раньше, но я не смог, потому что все мое тело было покрыто фурункулами из-за недоедания. Но я благо-

дарен Богу, что он не оставил меня, и судьба повернулась ко мне лицом...

В общем, пережил я все это с лихвой — и голод, и войну... Война коснулась каждого человека и со всех сторон. В то время я должен был заботиться не только о себе, но и о коллективе, который уже был создан: он мог распасться в одну минуту. Ведь что такое ансамбль? Это молодые люди, которых хотели мобилизовать на фронт, а я должен был их любым способом спасти. И вот в Министерстве культуры мне сказали: “Уезжай куда-нибудь в глубинку, иначе от коллектива ничего не останется...” И в каждом городе, куда бы мы ни приезжали, я старался пригласить хотя бы еще одного человека и, естественно, достать ему бронь. Так, по мере нашего продвижения у меня собрался довольно приличный ансамбль. Но была проблема: всех надо было обуть, одеть, накормить... Мы уезжали из Москвы, у нас было казенных денег в кармане рублей двадцать пять. В одном городе мы выступали в саду под проливными дождями. Народу — три-четыре человека. Что мы могли заработать? Мы не могли никуда уехать, потому что из гостиницы, где мы жили, нас не выпускали — нечем было расплатиться за жилье, да и уехать мы не могли еще и потому, что не было денег, чтобы арендовать вагоны. Мы пережили очень тяжелые времена, но спас опять-таки случай. Нам помог директор авиазавода, который был эвакуирован с Украины на Урал. У него было неограниченное количество денег. Открыв завод, он предложил мне работу: наш ансамбль три раза в сутки должен был выступать перед рабочими, которые строили завод. Что мы и делали. И чтобы работа шла веселей, мы перед каждой сменой выступали. Нам хорошо платили, кормили. Так мы выступали в течение двух недель. У нас появились деньги, которые позволили нам расплатиться за гостиницу, арендовать

вагоны и выехать с Урала. Мы успешно гастролировали, и даже на собственные деньги построили танк, который тогда стоил полтора миллиона рублей. Кстати, макет этого танка стоит здесь, в моем рабочем кабинете на полке, вот, посмотрите... Он называется “ТАНТ СССР” — Государственный Академический ансамбль народного танца СССР. Наш танк воевал. Так что, как видите, мы не сидели во время войны сложа руки.

А любовь?.. Я в меру влюбчивый человек. У меня сейчас есть жена — Ирина Алексеевна, которую я люблю беззаветно. Она мой большой друг. Но я постоянно считаю себя виноватым перед ней, потому что не всегда уделяю ей столько внимания, сколько она заслуживает.

— Как вы думаете, для чего рождается человек?

— Думаю, что каждому Бог дал в жизни отметить свое существование каким-либо деянием. Прежде всего собственным повышением в труде. Главное — найти себя. Без этого жизнь становится бессмысленной.

— Стало быть, те, что не смогли найти себя, напрасно живут на свете?

— Да. Очень многие живут зря, но, к сожалению, они понимают это только в конце жизни.

— А представьте себе, если бы в мире вдруг все нашли себя, каждый бы занимался своим делом, каждый, при этом, становился великим?...

— Как прекрасен был бы этот мир! Но, к сожалению, это нереально. Так устроена жизнь. Но как бы мог измениться мир, случись невозможное: вместо порицания себе подобных, вместо зависти, пьянства, грязных интриг, каждый занимался бы своим делом. Увы, это утопия. Как бы мы узнали о добре, если бы не было на свете зла?

— Согласно. Когда Свифт — сознательно или нет — выводит своих беспорочных гуингемов, он, тем самым, хочет того или нет, говорит: добро становится мыльным пузырем без зла.

— Корень зла не в том, что люди злы, а в том, что они безразличны друг другу.

Человек не зол, а подчинен собственным интересам, а собственным интересам подчинены более всего люди рабской души, а стало быть, примитивные. Примитивность, отсталость, бездуховность — истоки того, что приписывают злу.

— Есть люди настолько бессовестные, что всякая возможность причинить зло своим более порядочным и более талантливым собратьям доставляет им особое, даже изощренное наслаждение...

— Это абсолютная закономерность. Всякий человек, который менее талантлив, чем вы, который не может дать людям то, что даете вы, — ваш потенциальный враг. И я думаю, что самая большая ошибка — бороться с такими людьми. Надо продолжать подниматься вверх, не обращая внимания на эти рабские души. У таких людей нет своей жизни. Они живут, скажем, вашей, если вы раздражаете их своим творчеством. Они будут опускаться до чудовищных интриг, лишь бы уничтожить человека, до которого не могут подняться. Такие люди мне встречались и довольно часто. Я не могу сказать, что не обращал на них внимания, — я делал вид, что не замечаю этих людей. Но переносить тяжелые душевные муки мне приходилось.

— Чего в вашей жизни было больше: подарков или ударов судьбы?

— Хватало и того, и другого, но ударов, думаю, было больше. Да это и правильно. В конце концов каждый человек должен пройти через испытания. У китайцев есть такая пословица: если на твоём пути не встретилось трудностей, значит, как человек ты не состоялся, — купи их за любые деньги... Ведь что такое жизнь? Переход бездны по струне. Преодоление трудностей — единственное, что дает нам возможность двигаться вперед и расти.

— Как вы относитесь к тому, что успех не всегда равнозначен таланту?

— К этому нужно относиться философски. Люди разделяются на три категории: одни дают значительно меньше того, что получают, другие дают значительно больше того, что получают, а третьи — это самые страшные, которые ничего не дают, но получают больше всех вместе взятых. Самые благородные те, что больше дают, — для того они и пришли на эту землю. Счастье — знать, что ты нужен. Никакие деньги, никакие награды, никакие ордена не могут дать тебе того удовлетворения от сознания, что ты нужен. И еще от сознания, что твоя совесть чиста, — это огромное счастье.

— И вы не можете себя ни в чем упрекнуть, вам не за что себя презирать?

— Есть такая мудрая пословица: когда пороки покидают нас, нам приятно делать вид, что это мы их покинули... Конечно, о многом в жизни сожалел. Особенно о том, что не сделано. Я сделал всего лишь сотую долю того, что намечал.

А презирать? Всегда есть за что себя презирать. Я не безгрешен и порой очень грубо ошибался в жизни, но старался исправлять ошибки. К сожалению, не всегда мне это удавалось.

— Вы умеете просить прощения?

— Чем больше я стал понимать жизнь, тем чаще стал думать о прощении и делать это.

— Вы нуждаетесь в утешении?

— Этого я не терплю. Не люблю, когда меня жалеют. Я первый ответчик за свои поступки и ни на кого сваливать их не желаю.

В этом, наверное, разница между художниками и политиками. Художники расплачиваются за свои ошибки сами, а за ошибки политиков расплачивается народ.

— Вы удобный человек?

— Смотря для кого. Для тех, кто не умеет работать, я очень

неудобен. Дело в том, что я требовательный человек и в первую очередь к себе самому.

— Говорят, что талант невольно “съедает” жизнь человека. Вы согласны?

— Так это же хорошо! Хуже, когда жизнь съедается бездарностью и бессмысленными поступками. А талант — это созидание.

— Ваша самая большая радость в жизни?

— Творчество. У меня очень много званий и наград, и когда-то мне казалось все это очень важным и самым главным в жизни. Сейчас я научился относиться к этому с юмором.

— Скажите, а вы боитесь чего-нибудь в жизни?

— Боюсь. Боюсь опуститься. Потому всегда стараюсь быть

на уровне, что позволял уважать самого себя.

— Можно ли быть одновременно благоразумным и ливым?

— Пушкин говорил так: жалок тот, кто все предсказывает. Есть люди, которые все предсказывают, как бы чего не вышло. Надо бояться риска, прощупывать жизнь. Иначе жизнь будет скучной червяком, что влез в свою трубу и всю жизнь оттуда вытаскивает.

— Игорь Александрович, есть мечта?

— Обязательно! Не столько больше самого себя...

ИМЕНА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Девяносто?! Не может быть!

на

НИ

может быть!

вла не в том, что лю-
том, что они безраз-
другу.

не зол, а подчинен
и интересам, а соб-
интересам подчинены
люди рабской души,
ить, примитивные.
ость, отсталость,
ть — истоки того,
вают злу.

ди настолько бессо-
о всякая возмож-
нить зло своим бо-
ным и более талант-
тьям доставляет им
е изощренное на-

лютная закономер-
й человек, который
лив, чем вы, кото-
ет дать людям то,
— ваш потенциа-
я думаю, что самая
ибка — бороться с
ми. Надо продол-
аться вверх, не об-
ния на эти рабские
их людей нет своей
живут, скажем, ва-
ы раздражаете их
еством. Они будут
о чудовищных ин-
ы уничтожить че-
которого не могут
Такие люди мне
довольно часто. Я
ть, что не обраща-
ния, — я делал вид,
аю этих людей. Но
ажелые душевные
ходилось.

ашей жизни было
арков или ударов

и того, и другого,
маю, было больше.
авильно. В конце
ий человек должен
испытания. У ки-
кая пословица: ес-
ути не встретилось
начит, как человек
лся, — купи их за
... Ведь что такое
од бездны по стру-
ние трудностей —
что дает нам воз-
игаться вперед и

— Как вы относитесь к тому,
что успех не всегда равнозначен
таланту?

— К этому нужно относиться
философски. Люди разделяются
на три категории: одни дают
значительно меньше того, что
получают, другие дают значи-
тельно больше того, что полу-
чают, а третьи — это самые
страшные, которые ничего не
дают, но получают больше всех
вместе взятых. Самые благород-
ные те, что больше дают, — для
того они и пришли на эту землю.
Счастье — знать, что ты нужен.
Никакие деньги, никакие награ-
ды, никакие ордена не могут
дать тебе того удовлетворения
от сознания, что ты нужен. И
еще от сознания, что твоя со-
весть чиста, — это огромное сча-
стье.

— И вы не можете себя ни в
чем упрекнуть, вам не за что се-
бя презирать?

— Есть такая мудрая послови-
ца: когда пороки покидают нас,
нам приятно делать вид, что это
мы их покинули... Конечно, о
многом в жизни сожалею. Осо-
бенно о том, что не сделано. Я
сделал всего лишь сотую долю
того, что намечал.

А презирать? Всегда есть за
что себя презирать. Я не безгреш-
ен и порой очень грубо оши-
бался в жизни, но старался ис-
править ошибки. К сожалению,
не всегда мне это удавалось.

— Вы умеете просить проще-
ние?

— Чем больше я стал понимать
жизнь, тем чаще стал думать о
прощении и делать это.

— Вы нуждаетесь в утешении?

— Этого я не терплю. Не люб-
лю, когда меня жалеют. Я пер-
вый ответчик за свои поступки и
ни на кого сваливать их не же-
лаю.

В этом, наверное, разница
между художниками и полити-
ками. Художники расплачива-
ются за свои ошибки сами, а за
ошибки политиков расплачива-
ется народ.

— Вы удобный человек?

— Смотря для кого. Для тех,
кто не умеет работать, я очень

неудобен. Дело в том, что я тре-
бовательный человек и в пер-
вую очередь к себе самому.

— Говорят, что талант неволь-
но «съедает» жизнь человека.
Вы согласны?

— Так это же хорошо! Хуже,
когда жизнь съедается бездар-
ностью и бессмысленными по-
ступками. А талант — это созида-
ние.

— Ваша самая большая ра-
дость в жизни?

— Творчество. У меня очень
много званий и наград, и когда-
то мне казалось все это очень
важным и самым главным в
жизни. Сейчас я научился отно-
ситься к этому с юмором.

— Скажите, а вы боитесь чего-
нибудь в жизни?

— Боюсь. Боюсь опуститься.
Потому всегда стараюсь быть

на уровне, что позволяет м
уважать самого себя.

— Можно ли быть одновр-
менно благоразумным и сча-
ливым?

— Пушкин говорил так: «К
жалок тот, кто все предвидит.
Есть люди, которые всего боя-
ся: как бы чего не вышло...
И надо бояться риска проиграв-
Иначе жизнь будет скучна, как
червяка, что влез в свою скор-
пу и всю жизнь оттуда не вы-
вывается.

— Игорь Александрович, у
есть мечта?

— Обязательно! Не стыдит
больше самого себя...

Культура. — 1996. — 20 янв. — с. 1

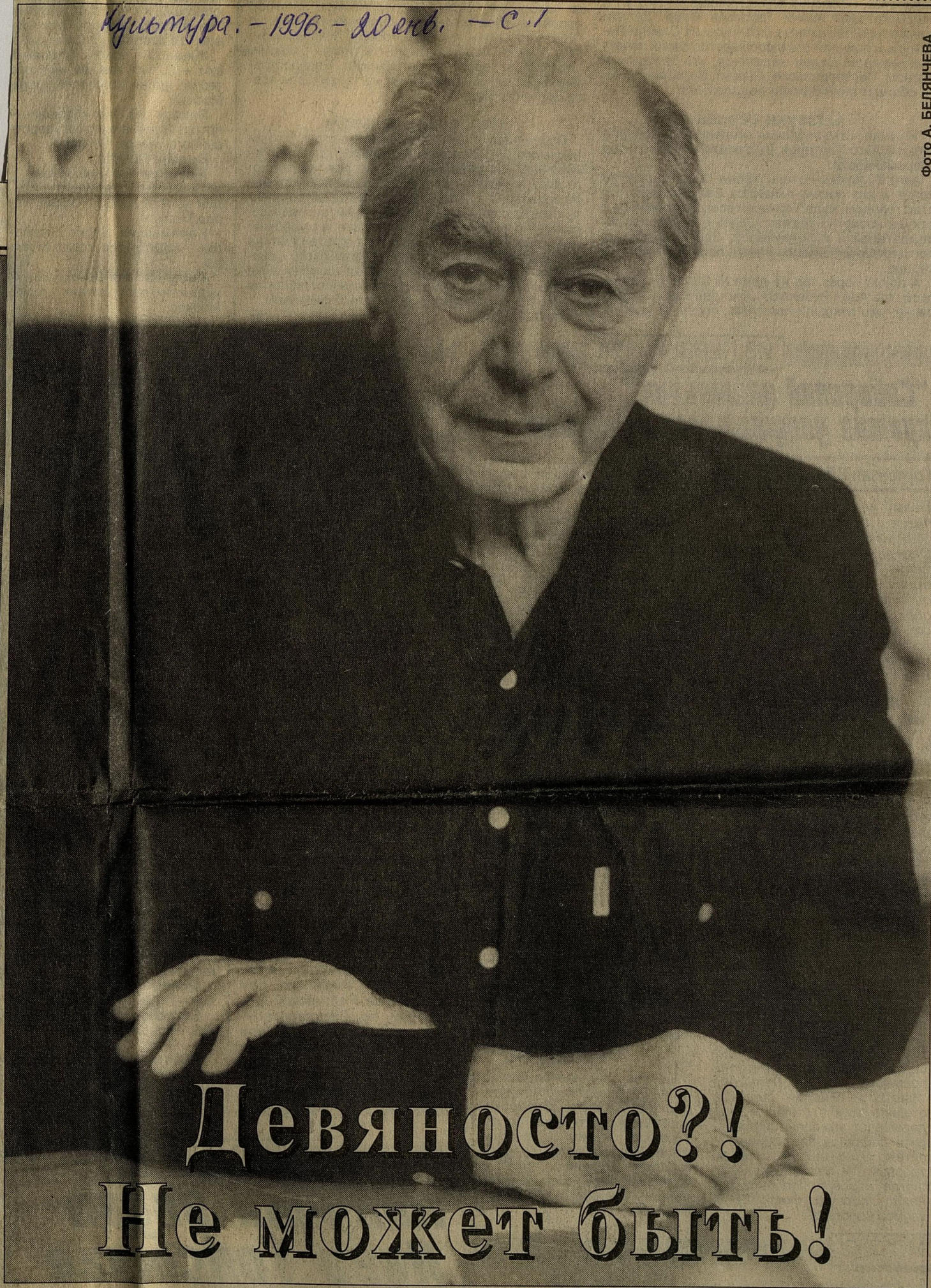

Фото А. БЕЛЯНЧЕВА

Девяносто?! Не может быть!

М естдесять лет назад встретились пред-
назначенные друг для друга Мастер и Та-
нец. Конечно, были и другие хореографы,
которые пытались поднять народный
танец на уровень мирового искусства. Но
удалось это только Игорю Моисееву.
Сервантес считал, что каждый из нас
— сын своих дел. А душа человека заклю-
чается в его делах. Как же прекрасна душа мастера, по-

дарившая себя всему миру!

В свои девяносто лет — день рождения завтра, а 23 ян-
варя юбилей будет торжественно отмечаться в Боль-
шом театре — Игорь Моисеев — современный человек и
современный талант, поразительно чувствующий Вре-
мя. Хотя времена меняются — уходят старые и прихо-
дят новые политики, лишь талант мастера неиссяка-
ем.

Беседу с юбиляром читайте на 3-й странице.